

Дмитрий Бурого: Дорогая Лилия Семёновна! Мы знакомы больше четверти века, за это время многое было проговорено и написано о Борисе Алексеевиче Чичибабине. В конце восьмидесятых, когда его поэзия появилась на страницах толстых журналов, стало ясно, что страна открыла выдающегося поэта по духу и совести. Стихи Чичибабина от «Красных помидоров» до «Плача по утерянной родине» стали для нас тогда камертоном, чей звук берёт начало в древнерусских сказах и песнях. Стихи Чичибабина, как оклик из нашего славного прошлого в мир сегодняшний, завтрашний, словно звуковая нить, стягивает времена, такие разные и такие родные.

Сегодня мы просим рассказать о вашем Чичибабине. С чего всё начиналось?

Лилия Карась-Чичибабина: Я пришла на заседание студии за своей тетрадкой со стихами, которую без моего разрешения отнесли Чичибабину. Он прочитал несколько четверостиший, и сразу раздались язвительные реплики от молодых пиитов. Так обычно встречали новеньких. Тетрадку я не смогла забрать, Чичибабина плотным кольцом окружили студийцы. Но всё же он через головы прокричал, чтобы я в такой-то день пришла на литературную студию Дворца пионеров на своё выступление. После вечера, провожая меня домой, расспрашивал, чем я занимаюсь, давно ли пишу стихи, обратил внимание на мой сибирский выговор.

Я недавно приехала из Сибири, из Томска, куда эвакуировалась семья в годы войны. Там окончила школу, институт, отработала три года и решила вернуться в Харьков.

На одном из занятий Чичибабин дал мне почитать тетрадь с машинописными стихами Мандельштама. Это было потрясение, настоящее открытие. К тому времени я уже была знакома со стихами Пастернака, Цветаевой по книгам малой серии «Библиотеки поэта», изданным в 60-х годах. При советской системе было принято распределять молодых специалистов в разные концы Советского союза, и к нам в Томск, в проектный институт, прибыли архитекторы из

Москвы – они и привезли эти книги. Но о Мандельштаме я даже не слышала.

Я редко посещала студию и не сразу узнала, что её закрыли. Случилось это в феврале 1966 г. Считается, что поводом послужило занятие, посвященное Борису Пастернаку. Студия существовала при библиотеке ДК связи, и перед самым занятием сообщили, что студия ликвидирована в связи с сокращением штатов. Бедный Борис Алексеевич: это была единственная его литературная работа. По-видимому, студия давно мозолила глаза идеологическим блюстителям порядка.

Впоследствии мы случайно встретились на улице недалеко от моей работы. Сели на скамейку в сквере, и Борис Алексеевич прочитал несколько пронзительных стихотворений. Я, конечно, была взволнована. Потом он проводил меня и встретил после работы. Постепенно это стало нормой: он встречал меня после работы и мы шли к его друзьям, или провожал домой в отдалённый от центра район. Оказалось, что в этом районе живут его близкие друзья. Мы как-то незаметно начали всюду бывать вместе. Было непросто: Борис Алексеевич был старше и до моего появления прожил большую жизнь: счастливую и трагическую, состоялся как поэт и уникальная творческая личность. Я и предположить не могла, что так сложится моя жизнь.

Д. Б.: Вы до встречи с Борисом Алексеевичем слышали о нём, читали его стихи?

Л. К.-Ч.: У меня были чичибабинские сборники 60-х годов. Борис Алексеевич не был доволен ими, так как они были изуродованы цензурой. Эти сборники не давали полного представления о поэте. К слову, Чичибабин был сложный человек: одновременно советский и антисоветский. Он даже в конце жизни не отказывался от социалистических идеалов. Я бы сказала так: он был «человечный» поэт, обладал какой-то доброй харизмой, и люди к нему тянулись. А сам он был поэт-одиночка, выстраивал свою творческую жизнь по образу любимых поэтов: Пушкина, Пастернака, Маяковского. Главным учителем его была мировая литература – так мне теперь кажется. Чичибабин не писал интуитивных таинственных стихов, зато он был «мастером слов», которые содержат глубокий, неоднозначный смысл. Чичибабинский стих внятен, доступен, но обязательно внутренне значителен. Любимые его поэты – я уже называла Пушкина, Пастернака, любил Цветаеву, Мандельштама, русскую классическую поэзию и вообще хорошую поэзию высоко ценил. Любил украинских поэтов: М. Рильского, Т. Шевченко, Л. Украинку.

Д. Б.: Он был удивительным книгочеем...

Л. К.-Ч.: Да, книгочеем Чичибабин был потрясающим, книги и были его единственным образованием: официального образования он так и не сумел получить, ведь его арестовали, когда он сдавал экзамены за первый курс университета. Правда, он сдавал экзамены сразу за первый и второй курсы, но это уже другая история. Он читал всюду: в транспорте, в магазинах, когда я стояла в очередях, во время еды, практически не «выпускал книгу из рук». Казалось, что он не замечает окружающего мира. Но это было не так. Я не раз замечала, как Борис Алексеевич чётко определял характер малознакомых людей и их личные качества.

Д. Б.: Это личный вопрос, для меня, может, самый интимный: с чего начиналось стихотворение, откуда приходил звук, как это происходило? Возможно, что-то выдёргивало автора из обыденного пространства, возможно, припоминание. Он часто обращался к словам, подсказывающим о присутствии древней Руси в нашем времени настоящем.

Мы неоднократно говорили о киевской школе поэзии, спорили о том, существует она или нет, какова она? И есть догадка, что киевская школа, если она когда-нибудь будет осознана, начиналась именно с творчества Бориса Алексеевича. Его стихотворение «Ночью черниговской» создает своеобразную химию припоминания. И мы откликаемся, на это звучание, наши корни там, в далёкой и родной Киевской Руси.

Л. К.-Ч.: Борис Алексеевич говорил, что он не знает, откуда приходят к нему лучшие его стихи. Говорил откровенно, что ему их диктует Бог.

Когда Борис Алексеевич сочинял стихи, он проговаривал их про себя, главное, чтобы в это время его не отвлекали разговорами. Это могло случиться во время ходьбы или даже в общественном транспорте. Однажды мы возвращались поздно от друзей, ехали в троллейбусе, я сидела, а Борис стоял возле водителя спиной к пассажирам. А когда оборачивался – по выражению лица было видно, что происходит какая-то напряженная внутренняя работа: шевелил губами, что-то шептал про себя, не обращая ни на кого внимания. Наверное, это можно считать стихийным порывом. А вот другой случай: стихотворение «На вечную жизнь Л.Е. Пинского». Однажды утром сообщили, что скончался очень дорогой нам человек Леонид Ефимович Пинский – известный литературовед, шекспировед, в 70-ые годы поддержавший Чичибабина, издавший его самиздатовский сборник. Вечером того же дня,

пернущись с работы, Борис прочитал стихотворение, посвященное Перинскому. Можно считать это примером «заданного» стихотворения. Сам Борис Алексеевич говорил, что создание стихотворения – это тайна.

Стихотворение «вынашивалось» днём, если позволяла работа, или в перерыве, и, возможно, сочинялось несколько дней. Чичибабинских черновиков сохранилось очень мало, в основном, повторяюсь, он всё держал в голове и, убедившись, что стихотворение «состоялось», записывал на бумагу. При этом любил красиво записать: четверостишия разбивал в шахматном порядке и писал разными ампулами: синими, красными или зелёными.

Д. Б.: Конец 80-х годов, Борис Алексеевич оказывается всем необходим, его активно приглашают в Москву. Как вы с Борисом Алексеевичем отреагировали на такую резкую перемену по отношению к вашей семье и к творчеству Бориса Алексеевича?

Л. К.-Ч.: Да, и не только в Москву, были и другие города: Ленинград, Киев, Полтава, Донецк, Львов, даже Тюмень. С одной стороны, Борису Алексеевичу было приятно такое внимание к его творчеству, но с другой – это была суета, которую он так не любил. Кроме того, состояние здоровья желало быть лучшим. Если учесть разочарование в перестроечном процессе, чего стоит только его «Плач по утраченной родине», то можно сказать, что настроение Чичибабина не было радужным и благодушным. Пришедшая поздно популярность никак не отразилась на его поведении, на отношении с людьми. Первая публикация его в «Литературной газете», конечно, была событием. Это был сентябрь 1987-го года. Мы отдыхали в Алушке, и я все время бегала на Зелёный мыс в единственный газетный киоск, куда привозили всего один экземпляр газеты. Её принесли друзья. Борис Алексеевич был огорчён, что не напечатали стихотворение «Не умер Сталин...» («Клянусь на знамени весёлом...»). Но после двадцатилетнего замалчивания имени Чичибабина, ему было приятно, и всем нам тоже, увидеть опубликованные стихи. Да ещё в хорошей компании – с публикацией стихов поэта Владимира Соколова.

На выступлениях Чичибабина всегда было многолюдно. На первый вечер в Москве 13 декабря 1987 г. в Центральном Доме литераторов невозможно было попасть. Аналогичная ситуация была и в Киеве: в Доме актера, Доме учителя в феврале 1988 г. Вечера вёл Иван Михайлович Дзюба.

Последнее выступление Бориса Чичибабина – участие в вечере поэзии «Автограф», который проводила «Литературная газета» 12 ноября 1994 года. Его, единственного не москвича, пригласили и

попросили сказать об этом. Он долго не решился ехать, так как плохо себя чувствовал. Но неожиданно сказал: «А может это в последний раз?». Ему было важно прочесть «Плач об утраченной родине». Бориса Алексеевича тепло приветствовали Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Григорий Поженян. Зал был заполнен московской интеллигенцией, литературным бомондом столицы. Выступление предваряли Сергей и Татьяна Никитины. Они исполнили чичибабинское: «Покамест есть охота, / откуда есть друзья, / давайте делать что-то, / иначе жить нельзя...».

Чичибабин всегда болел за народ, чувствовал себя частицей народа. Может, это совестливое начало позволяло предвидеть раньше и лучше других, к чему приводят перемены в общественном устройстве. Возможно, в этом и состояло его главное предназначение, как поэта.

Д. Б.: Лилия Семёновна, а как Борис Алексеевич относился к музыке? Какая музыка звучала в доме?

Л. К.-Ч.: Борис Алексеевич очень любил Моцарта, больше других композиторов. Любил Баха, мог часами слушать «Страсти по Матфею». После работы заходили в магазин «Мелодия», которого, к сожалению, уже нет, и покупали пластинки. Любил Чайковского, Рахманинова. Современную музыку не воспринимал, впрочем, как и поэзию.

Д. Б.: (Лилия Семёновна продолжает то поэтическое дело, которое завещал Борис Алексеевич. Фонд Бориса Алексеевича Чичибабина в Харькове многих приютил и привлекает внимание культурной сообщества с момента его возникновения. Там проходят вечера поэзии. Библиотека фонда, наверное, самая богатая в Харькове, потому что ни в одной библиотеке, ни в частной, ни в общественной, нет такого количества поэтических сборников с дарственными надписями.

Лилия Семеновна обладает каким-то удивительным талантом объединять, хранить, беречь и не ранить, начинает жалеть, сопереживает. Таково же её отношение, извините за смелость сказанного, и к нашей действительности. Лилия Семеновна нас всех просто жалеет).

– Лилия Семеновна, расскажите немножко о вашей деятельности в этом направлении.

Л. К.-Ч.: Сначала был создан Фонд памяти Бориса Алексеевича Чичибабина при поддержке Евгения Петровича Кушнарёва, бывшего

мэра Харькова, ставшего председателем Фонда. После его отъезда из Харькова в Киев его сменил Михаил Дмитриевич Пилипчук, и поныне остающийся председателем. Сейчас Фонд существует просто как юридическое лицо без всякой материальной базы. Но нам несказанно повезло: при Доме культуры Киевского района, бывшем ДК связи, где работала чичибабинская студия, организован Чичибабин-центр: отдел культурно-просветительской работы. И теперь вся деятельность Фонда сводится к работе Чичибабин-центра: проводятся литературные вечера, посвященные творчеству выдающихся поэтов, с участием филологов, преподавателей харьковских вузов, студентов. Отмечаем вечера памяти Бориса Чичибабина, организовываем поэтический фестиваль им. Бориса Чичибабина, выступления и презентации книг современных авторов. Сотрудничаем с музыкальными коллективами и многое другое. В деятельность центра входит систематизация архива Бориса Чичибабина, комплектация и издание его поэтических книг. Опубликовано более десяти посмертных изданий поэта, в том числе в академической серии «Литературные памятники». Мы также чувствуем свой долг перед ушедшими из жизни талантливыми людьми, не успевшими собрать свои книги. Это очень кропотливая и ответственная работа. Иногда и нам преподносят подарки, в частности, друзья Бориса Алексеевича издали факсимильный сборник из 50-ти стихотворений, когда-то переписанных для них рукой автора. Надо отметить участие центра в создании документальных фильмов о поэте: «Борис Чичибабин», режиссер Виталий Михайлов; «Неизвестный Чичибабин», режиссер Елена Григорьева; «Между родиной и небом», режиссеры Денис и Сергей Галушки.

Д. Б.: Лидия Семёновна, огромное вам спасибо, спасибо, что вы делаете столько важного для нас сегодняшних, храня не только память о замечательном поэте Борисе Алексеевиче Чичибабине, но и поддерживая вашим центром атмосферу добра, трепетной нежности к человеку.